

George Bernard
SHAW
1856–1950

Бернард
ШОУ

Пигмалион

•

*Дом, где разбиваются
сердца*

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-6
Ш 81

Перевод с английского
Сергея Боброва, Марии Богословской, Елены Лопыревой,
Полины Мелковой, Наталии Рахмановой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

- © С. П. Бобров (наследники), перевод, 2021
- © М. П. Богословская (наследники), перевод, 2021
- © Е. А. Лопырева (наследники), перевод, 2021
- © П. В. Мелкова (наследники), перевод, 2021
- © Н. Л. Рахманова, перевод, 1980, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19111-2

Пигмалион

Роман-фантазия в пяти действиях

ПРОФЕССОР ФОНЕТИКИ¹

Как мы увидим дальше, «Пигмалион» нуждается не в предисловии, а в продолжении, которым я и снабдил пьесу в должном месте.

Англичане не уважают родной язык и упорно не желают учить детей говорить на нем. Написание слов у них столь чудовищно, что человеку не научиться самому произносить их. Ни один англичанин не откроет рта без того, чтобы не вызвать к себе ненависти или презрения у другого англичанина. Немецкий и испанский языки вполне доступны иностранцам, но английский недоступен даже англичанам. Энергичный энтузиаст-фонетист — вот кто требуется сейчас Англии в качестве реформатора, потому-то я и сделал такового главным действующим лицом моей ныне столь популярной пьесы. Герои такого толка, тщетно вопиющие в пустыне, уже случались в последнее время. Когда к концу 1870-х годов я заинтересовался этой темой, прославленный Александр Мелвилл Белл, изобретатель Наглядной Речи, уже давно эмигрировал в Канаду, где сын его изобрел телефон. Но Александр Дж. Элис еще оставался лондонским патриархом, его величественную голову прикрывала неизменная бархатная шапочка, за что он изысканно извинялся перед аудиторией.

¹ Перевод Н. Рахмановой.

Он и Тито Пальярдини, еще один ветеран-фонетист, принадлежали к тем людям, к которым невозможно испытывать неприязнь. Генри Суит, тогда еще молодой человек, отнюдь не отличался присущей им мягкостью: к обыкновенным смертным он относился примерно так же снисходительно, как Ибсен или Сэмюэл Батлер. Его талант фонетиста (а на мой взгляд, он лучше их всех знал свое дело) дал бы ему право на высокое официальное признание и, вероятно, возможность популяризировать любимую науку, если бы не его сатанинское презрение к академическим должностным лицам и вообще ко всем тем, кто греческий ставил выше фонетики. В те дни, когда в Южном Кенсингтоне возник Имперский институт и Джозеф Чемберлен расширял пределы империи, я подбил как-то раз одного издателя ежемесячного журнала заказать Суиту статью о значении его науки для Британской империи. Присланная им статья не содержала ничего, кроме издевательских нападок на профессора языка и литературы, чью должность, по мнению Суита, имел право занимать исключительно специалист по фонетике. Статью печатать было невозможно по причине ее пасквильного характера, и ее пришлось вернуть автору, а мне пришлось отказаться от мечты вытащить ее автора на сцену. Когда много лет спустя я встретил его после долгого перерыва, я, к удивлению моему, увидел, что он ухитрился из молодого человека вполне сносной наружности превратить себя (по чистому пренебрежению) в воплощенное отрицание Оксфорда и всех его традиций. Суита, очевидно назло ему, втиснули в должность преподавателя фонетики. Будущее фонетики, возможно, и принадлежит его ученикам — все они молились на него, — но самого учи-

теля ничто не могло примирить с университетом, за который, пользуясь своим святым правом, он тем не менее цеплялся, как самый типичный оксфордец. Смею предположить, что его записки, если он такие после себя оставил, содержат кое-какие сатиры, которые можно будет опубликовать без особых разрушительных последствий лет этак через пятьдесят. Он, как мне кажется, вовсе не был недоброжелательным, скорее, я бы сказал, наоборот, но просто он не выносил дураков.

Те, кто его знал, угадают у меня в III акте намек на изобретенную им систему стенографии, с помощью которой он писал открытки и которую можно изучить по руководству ценой в четыре шиллинга шесть пенсов, выпущенному «Кларендон Пресс». Именно такие открытки, о которых упоминает миссис Хигинс, я и получал от Суита. Расшифровав звук, который кокни передал бы как «зерр», а француз как «се», я затем писал Суиту, требуя с некоторой запальчивостью разъяснить, что именно, черт его подери, он хотел сказать. С безграничным презрением к моей тупости Суит отвечал, что он не только хотел, но и сказал слово «результат» и что ни в одном из существующих на земле языков нет другого слова, содержащего этот звук и имеющего смысл в данном контексте. Думать, что менее квалифицированным смертным требуются более подробные разъяснения, — это уже было свыше суитовского терпения. Задуман его Универсальный алфавит был для того, чтобы безупречно изображать любой звук в языке, как гласный, так и согласный, держа при этом руку под любым наиболее удобным углом и делая самые легкие и беглые движения, какие нужны для написания не только «м» и «н», но также «у»,

«л», «п» и «к». Однако неудачная идея использовать этот оригинальный и вполне удобочитаемый алфавит еще и как стенографию превратила его в суитовских руках в самую неразборчивую из криптограмм. Первоначальной задачей Суита было снабдить исчерпывающим, аккуратным, удобочитаемым шрифтом наш благородный, но плохо экипированный язык. Но Суита увело в сторону презрение к популярной питменовской системе стенографии, которую он окрестил ямографией. Торжество Питмена было торжеством умелой организации дела: еженедельная газета убеждала вас изучать систему Питмена; вам предоставлялись дешевые пособия и сборники упражнений и расшифровки стенограмм речей, а также школы, где опытные педагоги натаскивали вас до необходимого уровня. Суит же не умел подобным образом организовать спрос на себя. Его скорее можно уподобить сивилле, разорвавшей листы со своим пророчеством оттого, что ее никто не желал слушать. Учебник за четыре шиллинга шесть пенсов, собственноручно им написанный и залитографированный, никогда не имел пошлой рекламы. Быть может, однажды его и подхватит какой-нибудь синдикат и навяжет обществу, как «Таймс» навязал читателям Британскую энциклопедию, но до тех пор, пока этого не произошло, его системе, безусловно, не одержать верха над питменовской. За свою жизнь я купил три экземпляра Суита. Через издательство мне известно, что учебник его продолжает упорно вести здоровое затворническое существование. Я овладевал системой Суита дважды, в разные периоды своей жизни, и, однако, эти вот строки записаны по системе Питмена. Причина в том, что моя секретарша не умеет стенографировать по Суиту, так

как волею обстоятельств обучалась по школе Питмена. Вот Суит и нападал в своих речах на Питмена так же тщетно, как Терсит на Аякса, и хотя язвительные нападки, может статья, и облегчали его душу, но повальной моды на Универсальный алфавит не обеспечили.

Пигмалион-Хигинс не есть портрет Суита, вся история с Элизой Дулитл для Суита была бы невозможна. Но, как вы увидите, в Хигинсе присутствуют черты Суита. Обладай тот телосложением и темпераментом Хигинса, он сумел бы поджечь Темзу. Будучи же самим собой, Суит как профессионал произвел на Европу такое впечатление, что сравнительная безвестность и непризнание Оксфордом суитовских заслуг до сих пор остаются загадкой для иностранных специалистов в этой области. Я не виню Оксфорд, так как считаю, что Оксфорд вправе требовать от своих питомцев хотя бы толики светской вежливости (видит бог, ничего непомерного нет в этом требовании!). Хотя я хорошо понимаю, как трудно человеку талантливому, чью науку недооценивают, поддерживать безоблачно дружелюбные отношения с теми, кто ее недооценивает и отводит лучшие места менее важным дисциплинам (которые преподают без оригинальности и подчас не имея должных способностей), все же, коль скоро ты изливаешь презрение и ярость, вряд ли следует ожидать, что тебя будут осыпать почестями.

О последующих поколениях фонетистов я знаю мало. Среди них высится Поэт-лауреат, которому, возможно, Хигинс обязан своим увлечением Мильтоном, но и тут я опять-таки отрицаю всякое портретное сходство. Если моя пьеса доведет до сознания общества, что есть на свете такой народ — фонети-

сты и что они принадлежат в современной Англии к самым нужным людям, то она сделала свое дело.

Хочу похвастаться: «Пигмалион» пользуется большим успехом во всей Европе и Северной Америке и даже у себя на родине. Пьеса столь интенсивно и нарочито дидактична и тема ее слывет столь сухой, что я с наслаждением сую ее в нос умникам, которые как попугаи твердят, что искусство ни в коем случае не должно быть дидактичным. Она льет воду на мою мельницу, подтверждая, что искусство иным и быть не должно.

И в заключение, чтобы подбодрить тех, кого акцент лишает возможности сделать служебную карьеру, добавлю, что перемена, которую произвел профессор Хиггинс в цветочнице, не является чем-то несбыточным и необычным. В наш век дочь консьержа, которая играет королеву Испании в «Рюи Блазе» в Комеди Франсез, осуществляя свои честолюбивые мечты, — лишь одна из многих тысяч (женщин и мужчин), отбросивших родные диалекты, как сбрасывают старую кожу, и приобретших новый язык. Но совершать превращение надо по-научному, иначе последняя стадия обучения может оказаться безнадеежнее первой: честный природный диалект трудно вынести куда легче, чем попытку фонетически необученной личности подражать вульгарному жаргону членов гольф-клуба. А я с сожалением должен признать, что, невзирая на усилия нашей Королевской академии драматического искусства, на сцене нашей до сих пор слишком много поддельного английского, заимствованного именно из гольф-клубов, и слишком мало благородного английского языка Форбса Робертсона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ковент-Гарден. 11:15 вечера. Лето. Проливной дождь. Со всех сторон отчаянные гудки автомобилей. Прохожие бегут к рынку и к церкви Св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек. Среди них дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все мрачно взирают на потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, целиком поглощен своей записной книжкой; он торопливо делает какие-то заметки.

Бьет четверть двенадцатого.

Дочь (стоит между двумя центральными колоннами портика, ближе к левой). Я продрогла до костей. Куда пропал Фредди? Вот уже двадцать минут, как он ушел.

Мать (справа от дочери). Положим, не двадцать. Но такси он бы все-таки мог уже найти.

Прохожий (справа от дамы). Раньше половины двенадцатого никакого такси он вам не достанет, мэм, и не надейтесь; сейчас все из театров разъезжаются.

Мать. Но нам очень нужно. Мы не можем стоять здесь до половины двенадцатого. Какое безобразие!

Прохожий. А я чем виноват?

Дочь. Будь у него голова на плечах, он давно бы нашел такси у театра.

Мать. Ну что ты хочешь от бедного мальчика?

Дочь. Все достают такси. А он почему не может?

Под потоками дождя со стороны Саутгемптон-стрит вылетает Фредди и становится между ними, закрывая зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати в вечернем костюме, брюки у него мокры по щиколотку.

Дочь. Ну, достал-таки?

Фредди. Нигде ни одного, ни за какие деньги.

Мать. Ах, Фредди, машину всегда можно достать. Ты просто плохо искал.

Дочь. Боже, как мне все надоело. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, все машины расхватили. Дождь начался внезапно, никто его не ожидал, и все кинулись искать такси. Я дошел до Черинг-кросс, потом повернул и добрался почти до самого Ледгет-серкус: нигде ни одной свободной машины.

Мать. А на Трафальгар-сквер?

Фредди. И на Трафальгар-сквер ни одной.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Черинг-кросском вокзале. Ты, вероятно, ожидала, что я пробежусь до Хамерсмита?

Дочь. Никуда ты не ходил.

Мать. Ты в самом деле ужасно беспомощен, Фредди. Иди опять и, пока не найдешь такси, не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А мы? По-твоему, мы всю ночь будем стоять здесь на ветру, в одних платьях? Это свинство. Эгоист несчастный!

Фредди. Ну ладно, ладно, иду.

Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге сталкивается с уличной цветочницей, которая спешит укрыться от дождя, и выбивает у нее из рук

корзину с цветами. Ослепительная вспышка молнии, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, служит фоном для этого происшествия.

Цветочница. Ты что, очумел, Фредди? Не видишь, куда прешь!

Фредди. Виноват... *(Убегает.)*

Цветочница *(подбирая рассыпанные цветы и укладывая их в корзинку)*. А еще называется образованный! Все мои фиалочки копытами перемял.

Усаживается у подножия колонны справа от дамы и начинает приводить в порядок цветы. Привлекательной ее не назовешь. Лет ей восемнадцать-двадцать, не больше. На ней маленькая матросская шапочка из черной соломки, с многочисленными следами лондонской пыли и копоти, явно сучающая по щетке. Ее давно не мытые волосы приобрели какой-то неестественный мышинный цвет. Поношенное черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен. На ней коричневая юбка и грубый фартук. Башмаки тоже знавали лучшие дни. Нельзя сказать, что она не старается быть по-своему опрятной, но по сравнению с окружающими ее дамами выглядит настоящей грязнулей. Черты ее лица не хуже, чем у них, но кожа оставляет желать лучшего. К тому же девушка явно нуждается в услугах зубного врача.

Мать. Простите, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. Ага, так это ваш сынок? Хороша мамаша! Воспитала бы сына как положено, так он бы побоялся цветы у бедной девушки изгадить, а потом смыться и денег не заплатить. Вот вы теперь и гоните монету!

Приношу извинения, но попытка воспроизвести ее отчаянный диалект без фонетической транскрипции неосуществима за пределами Лондона.

Дочь. Только этого еще не хватало!

Мать. Не вмешивайся, Клара. Есть у тебя мелочь?

Дочь. Шестипенсовик. Мельче нет.

Цветочница (*с надеждой*). Так я вам его разменяю, леди.

Мать (*Кларе*). Дай сюда.

Дочь неохотно подчиняется.

Так. (*Цветочнице.*) Вот вам за цветы, милая.

Цветочница. Премного благодарна...

Дочь. Пусть она даст сдачи. Такому букетику красная цена — пенни.

Мать. Помолчи, Клара. (*Цветочнице.*) Сдачу оставьте себе.

Цветочница. У... у... у...х, спасибо вам, леди.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вам известно имя этого молодого человека?

Цветочница. Да я его и не знаю.

Мать. Но я слышала, как вы назвали его по имени. Не обманывайте меня.

Цветочница (*возражая*). А чего мне вас обманывать? Ну, Фредди, Чарли — не все одно? Надо же из вежливости как-то назвать человека. (*Усаживается возле своей корзины.*)

Дочь. Зря только выбросили шесть пенсов. Право, мама, тут уж вы могли бы пощадить Фредди. (*Брезгливо отступает за колонну.*)

Пожилой джентльмен — привлекательный тип старого военного — спешит укрыться от дождя, закрывая на ходу зонтик, с которого льет вода. У него, как и у Фредди, брюки внизу совершенно мокрые. Он в вечернем костюме и легком пальто. Занимает освободившееся место у колонны слева.

Джентльмен. Уфф!

Мать (*джентльмену*). Ну как там, сэр? Просвета все еще не видно?

Джентльмен. Ни малейшего намека. Напротив, дождь усиливается. (*Подходит к тому месту, где сидит цветочница, ставит ногу на плинтус колонны и, нагнувшись, подвертывает мокрые брюки.*)

Мать. О господи! (*Огорченно отходит к дочери.*)

Цветочница (*пользуется соседством пожилого джентльмена, чтобы завязать с ним дружеские отношения*). Раз опять припустил, значит конец видать. Не огорчайтесь, кэптен, купите лучше букетик у бедной девушки.

Джентльмен. К сожалению, у меня нет мелочи.

Цветочница. Я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? Мельче у меня нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите! Полкроны я еще разменяю. Возьмите вот этот — всего два пенса.

Джентльмен. Не приставай ко мне, девочка, — это нехорошо. (*Шарит по карманам.*) У меня в самом деле нет мелочи... Постой-ка! Вот три монетки по полпенса, если тебя устроит... (*Переходит к другой колонне.*)

Цветочница (*разочарованно, но понимая, что полтора пенса лучше, чем ничего*). Спасибо вам, сэр.

Прохожий (*цветочнице*). Эй, ты, полегче, взяла деньги — так дай ему цветок. Видишь вон того типа за колонной? Он записывает каждое твое слово.

Все оборачиваются к человеку
с записной книжкой.

Цветочница (*испуганно вскакивая*). Что я худого сделала? Ну, заговорила с джентльменом — так

я имею право продавать цветы, если на тротуар не лезу. *(Истерически.)* Я девушка порядочная! Я ничего такого ему не сказала — просто попросила купить цветочек...

Общий шум. Бóльшая часть публики сочувствует цветочнице, но осуждает ее чрезмерную чувствительность. Люди пожилые, солидные треплют ее по плечу, бросая ободряющие реплики вроде: «Чего расхныкалась? Кто тебя трогает? Кому ты нужна? К чему шум поднимать? Ну-ну, успокойся. Будет, будет!» Менее терпеливые рекомендуют ей заткнуть глотку или сердито спрашивают, чего, собственно, она разоралась? Те, кто стоял далеко и не знает, в чем дело, спешат к месту происшествия и усугубляют суматоху расспросами и объяснениями: «Что за шум? Что она натворила? Где он? Да вот, застучал ее легавый. Какой? Да вон тот, за колонной. Деньги у джентльмена выманила». И так далее. Цветочница, оглушенная и растерянная, протискивается сквозь толпу к джентльмену и громко вопит.

Цветочница. Ой, сэр, пожалуйста, не велите ему заявлять на меня. Вы не знаете, что мне за это будет! У меня отберут патент, меня выкинут на улицу за приставанье к мужчинам. Они мне...

Человек с записной книжкой *(выходит вперед, толпа окружает его)*. Ну хватит, хватит! Кто вас обижает, глупая вы девчонка! За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Все в порядке. Это джентльмен — поглядите, какие у него ботинки. *(Объясняет человеку с записной книжкой.)* Она думала, сэр, что вы легавый.

Человек с записной книжкой *(с живым интересом)*. А что значит «легавый»?

Прохожий *(не находя определения)*. Легавый — это... это... ну, одним словом, легавый. Как его иначе назовешь? Ну, вроде сыщика или полицейского агента.

Цветочница *(все еще истерически)*. Да я на Библии могу присягнуть, что ничего такого...

Человек с записной книжкой *(повелительно, но добродушно)*. Довольно! Замолчите накопец. Разве я похож на полицейского?

Цветочница *(далеко не успокоенная)*. А зачем тогда записывали каждое слово? Почему я знаю, что вы там накатали? А ну-ка, покажите, что у вас там обо мне накарякано?

Он раскрывает записную книжку и сует ей под нос. Толпа, пытаясь прочесть написанное через его плечо, напирает так, что человек послабее не устоял бы на ногах.

Чего это? Написано-то не по-нашему. Я не разбираю...

Человек с записной книжкой. Зато я разберу. *(Читает, точно воспроизводя ее выговор.)* «Ни огарчайтись, кэптин, купитя лучше пукетик у бенной девушки».

Цветочница *(в полном смятении)*. Может, вы за то, что я его назвала «кэптен»? Так я ж ничего плохого не думала. *(Джентльмену.)* Ах, сэр, не велийте ему на меня заявлять, за одно только слово. Вы...

Джентльмен. О чем заявлять? Я вас ни в чем не обвиняю. *(К человеку с записной книжкой.)* Право, сэр, хоть вы и сыщик, вам вовсе незачем ограждать меня от приставаний, пока я сам не попрошу. Слепому ясно, что у девушки не было дурных намерений.

Голоса в толпе *(протестующе против полицейского произвола)*. Правильно! Чего он суется?

Пусть лучше занимается своим делом! Не видите, что ли? Он выслужиться захотел! Каждое слово за человеком записывает! Девушка с ним слова не сказала! А хоть бы и сказала! Хорошенькое дело, девушке уж и от дождя нельзя укрыться, чтобы ее не оскорбили. *(И т. д. и т. п.)*

Прохожие, настроенные наиболее сочувственно, отводят цветочницу обратно к колонне, где она снова усаживается, стараясь побороть волнение.

Прохожий. Никакой он не сыщик. Просто любит соваться в чужие дела. Я же вам говорю, посмотрите на его ботинки.

Человек с записной книжкой *(обернувшись к нему, сердечно)*. Как поживают ваши родные в Селси?

Прохожий *(подозрительно)*. А кто вам сказал, что мои родные из Селси?

Человек с записной книжкой. Не важно кто. Ведь это же так. *(К цветочнице.)* А вас как занесло так далеко на восток? Вы ведь родились в Лисонгрове.

Цветочница *(ошеломленная)*. А что такого, если я уехала из Лисонгрова? Я там в конуре вонючей жила — у свиньи хлев и то лучше, — а платила четыре шиллинга шесть пенсов в неделю. *(Заливается слезами.)* О... о... о... ой... ой... ой.

Человек с записной книжкой. Живите где угодно, только прекратите реветь.

Джентльмен *(девушке)*. Ну полно, полно! Он не тронет тебя, ты имеешь право жить где хочешь.

Саркастический прохожий *(протискиваясь между человеком с записной книжкой и джентльменом)*. Например, в собственном особняке на Парк-

лейн. А знаете, я не прочь обсудить с вами жилищную проблему.

Цветочница (*пригорюнившись над корзиной, потихоньку причитает*). Я девушка честная. Да, честная.

Саркастический прохожий (*не обращая на нее внимания*). Ну а откуда я родом, вы знаете?

Человек с записной книжкой (*не моргнув глазом*). Из Хокстона.

В толпе хихикают. Интерес к человеку с записной книжкой явно возрастает.

Саркастический прохожий (*пораженный*). Угадал, ничего не скажешь. Черт побери, да вы действительно всезнайка.

Цветочница (*все еще переживая нанесенную ей обиду*). Нет у него таких прав, чтобы лезть в чужие дела. Чего он ко мне пристал?

Прохожий (*цветочнице*). Верно! Вот ты ему и не спускай. (*К человеку с записной книжкой.*) Послушайте, а на каком таком основании вы все знаете о людях, которые с вами не желают иметь дела? Где ваше удостоверение?

Несколько человек из толпы (*ободренные ссылкой на статью закона*). Точно! Где у вас удостоверение?

Цветочница. А пусть его болтает чего вздумается! Не хочу я с ним связываться.

Прохожий. А все потому, что вы нас за людей не считаете. С джентльменом вы бы себе шутки шутить не позволили.

Саркастический прохожий. Верно! Если уж взялись воровать, так скажите нам — откуда он взялся? (*Указывает на пожилого джентльмена.*)

Человек с записной книжкой. Челтенхем, Харроу, Кембридж, позднее Индия.

Джентльмен. Совершенно верно.

Толпа раздражается хохотом. Теперь сочувствие явно на стороне человека с записной книжкой. Раздаются восклицания: «Все насквозь знает! Так и отрезал! Слышали, как он ему выложил что, да как, да где?» И т. д.

Джентльмен. Позвольте спросить, сэр. Вы, наверно, из мюзик-холла? Зарабатываете этим номером на жизнь?

Человек с записной книжкой. Я уже подумывал об этом. Возможно, когда-нибудь попробую.

Дождь прекратился, и толпа понемногу начинает расходиться.

Цветочница (*недовольная переменой общего настроения не в ее пользу*). Никакой он не порядочный. Порядочный не станет обижать бедную девушку.

Дочь (*потеряв терпение, бесцеремонно проталкивается вперед*). Куда же пропал Фредди? Я схвачу воспаление легких, если еще постою на этом сквозняке.

Пожилой джентльмен, вежливо сторонясь, отступает за колонну.

Человек с записной книжкой (*поспешно делает отметку, повторив про себя*). Эрлкорт.

Дочь (*возмущенно*). Попрошу держать при себе свои дерзости.

Человек с записной книжкой. Неужели я сказал что-либо вслух? Простите, это невольное. Но матушка ваша, несомненно, из Эпсوما.

Мать (*подходит к дочери и становится между ней и человеком с записной книжкой*). Подумайте, как интересно! Я действительно выросла в Широкаледи-парке, неподалеку от Эпсома.

Человек с записной книжкой (*весело смеясь*). Ха-ха-ха! Черт, ну и название. (*К дочери*). Простите, вам, кажется, нужно такси?

Дочь. Как вы смеете обращаться ко мне!

Мать. Клара, Клара!

Дочь сердито пожимает плечами и, не удостоив ответом, с надменным видом отходит в сторону.

Мы были бы страшно признательны вам, сэр, если бы вы достали для нас такси.

Человек с записной книжкой вытаскивает свисток. Мать отходит к дочери. Человек с записной книжкой пронзительно свистит.

Саркастический прохожий. Видали? Я же говорил, что это шпик, только в штатском.

Прохожий. Нет, у него не полицейский свисток, а спортивный.

Цветочница (*все еще негодуя*). Нет у него таких прав, чтобы забрать мой патент. Мне нужен патент, как и всякой леди.

Человек с записной книжкой. Кстати, вы заметили, что дождь уже перестал?

Прохожий. И верно. Чего же вы раньше не сказали? А то мы торчим здесь и теряем время: слушаем ваши глупости. (*Уходит по направлению к Стрэнду*.)

Саркастический прохожий. А я могу сказать, откуда вас самих принесло. Из психической лечебницы. Возвращайтесь-ка туда.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИГМАЛИОН

Роман-фантазия в пяти действиях

Перевод П. Мелковой 5

ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА

Фантазия в русском стиле на английские темы

Перевод С. Боброва и М. Богословской 147

Шоу Б.

- Ш 81 Пигмалион ; Дом, где разбиваются сердца : пьесы / Бернард Шоу ; пер. с англ. С. Боброва, М. Богословской, Е. Лопыревой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 352 с. — (Азбука-классика). ISBN 978-5-389-19111-2

В книгу включены две знаменитые пьесы Джорджа Бернарда Шоу, выдающегося британского драматурга-новатора, основоположника (наряду с Ибсеном и Чеховым) интеллектуального театра XX века, лауреата Нобелевской премии по литературе и премии «Оскар». «Пигмалион» (1913) — история лондонского профессора фонетики Генри Хиггинса, «сотворившего» из уличной цветочницы светскую леди, и одновременно история цветочницы Элизы Дулитл, заставившей Хиггинса увидеть в ней не просто материал для интересного эксперимента, а живого человека, — стал основой известного мюзикла «Моя прекрасная леди» (1956) и его оscarносной экранизации (1964) с Рексом Харрисоном и Одри Хепбёрн в главных ролях. В «Доме, где разбиваются сердца» (1913–1917) причудливый дом-корабль, где гости ведут непрерывные и бесплодные споры о любви и смысле жизни под аккомпанемент свистов и криков хозяина, мудреца и безумца капитана Шотовера, постепенно вырастает в символический образ старого мира, вступившего в новый век и стоящего на пороге гибели.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-6

Литературно-художественное издание

БЕРНАРД ШОУ
ПИГМАЛИОН
•
ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ
СЕРДЦА

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Анны Скурихиной
Корректоры Светлана Федорова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.02.2021. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AKB-27804-01-R